

О покрытии башен Ростовского кремля в свете традиций кубоватого зодчества

Ю.В. Линник

В середине XVII в. деревянное зодчество Русского Севера переживает необыкновенно яркую вспышку формотворческих исканий. Прежде всего они касаются храмовых покрытий: именно здесь — на уровне, где красота сакрального сооружения должна достигнуть своей кульминации — возникает целая серия новых блистательных решений. Шатры на крещатой бочке, кубоватые завершения, ярусные структуры, многоглавия: все это разнообразие возникает синхронно, превращая Русский Север в чарующую сказку.

Исходная форма — шатровая — как бы мутирует, давая ряд преломлений. Что стало причиной этого процесса? Традиционный ответ таков: от патриарха Никона якобы исходило прещение строить шатровые храмы — и народ, желая сохранить высотность, которую явно глушило навязываемое из центра пятиглавие, стал искать обходные пути для сохранения своей любимой идеи. Каждая новация что-то наследует от шатра — старается ему вторить явно или неявно. В этом взгляде есть толика истины. Признавая это, надо принять во внимание контраргументы:

- 1) сколь бы ни был противоречив патриарх Никон в своих архитектурных вкусах, но он несомненно любил шатры, о чем свидетельствует Новый Иерусалим;
- 2) несмотря на рекомендации, исходившие из столицы, северная провинция продолжала строить шатры — острых конфликтов на этой почве не возникало.

Кто-то прислушался — кто-то ослушался. На Русском Севере процвел архитектурный плюрализм. Как бы то ни было, но патриарх Никон содействовал раскрепощению народной фантазии. Благодаря ему сработал некий пусковой механизм, задействовавший эволюционный потенциал, заложенный в исконных для деревянного зодчества формах — шатрах, бочках и главах. Они словно пришли в движение, претерпевая удивительные метаморфозы: меняли свой облик — вступали в необычные сочетания — обнаруживали способность к неисчерпаемой вариативности.

Биография патриарха Никона тесно связана с рекой Онега. На острове Кий он спасся от бури — и впоследствии основал там Крестный монастырь; благодаря успешному игуменству в Кожеозерском монастыре имя его стало известно в Москве; перевозя по Онеге останки митрополита Филиппа, он остановился в своем любимом Турчасово — и здесь его застала весть о смерти патриарха Иосифа, что предвещало большие перемены в карьере.

Авторитет Никона на Онеге был особо высоким. Потому ли здешние зодчие раньше других своих собратьев вняли московским увещаниям относительно пятиглавия? Так или иначе, но Онега нашла мудрый компромисс между своей внутренней склонностью и внешним установлением — замыслила и воплотила идею кубоватого храма.

Ареал кубоватых храмов имеет абсолютно четкую локализацию. Это бассейн Онеги — и две зоны, связанные с ним территориально: Поморье и Водлозерье. Здесь и только здесь утвердилась эта оригинальная форма. Первая кубоватая церковь была построена в с. Шуерецкое в 1666 г. Никакой генетической связи с кубоватой Столовой палатой в Коломенском дворце у нее нет. Она старше на полтора десятка лет. Северные кубы самобытны. В своей замечательной статье, посвященной покрытиям башен Ростовского Кремля, А.Г. Мельник называет их *кубоватыми*¹. Если согласиться с ним, то границу распространения кубоватых покрытий придется опустить не только до Ростова Великого, но и охватить ею южную Украину, где широко бытовали так называемые *баньки* — восьмигранные покрытия с характерной *пучиной*, сближающей их и с бочкой, и главкой, и с кубом в его севернорусском изводе.

А.Г. Мельник следует определенной терминологической традиции, когда и четырехгранные, и восьмигранные покрытия с пучиной объединяются в одну группу. Вероятно, начало этой традиции положил И.Е. Забелин — мы встречаем у него выражение: «*кубический осьмигранник*»². Однако оно относится им преимущественно к западно-европейской традиции. И.Э. Грабарь и Ф.Ф. Горностаев тоже не делают здесь различия. Вот очень важная для нас цитата из «Истории русского искусства»: «*Куб увенчивают почти всегда только храмы, рубленные четвериками, и исключения здесь в высшей степени редки. Таким редчайшим исключением является грандиозный храм Николая Чудотворца в Зачачьи Холмогорского уезда, на Северной Двине. Он построен в 1687 году и по плану, по рубке стен его мощного восьмерика и по широкому размаху тождествен с лучшими восьмериковыми храмами — Паниловским и Вершиногеоргиевским. Но вместо шатра, восьмерик его неожиданно завершается восьмигранным же «кубом»*»³. Интересно, что авторы часто закавычивают слово куб — создается ощущение, что термин им кажется еще не устоявшимся, в каком-то смысле условным.

В структурном отношении Никольская церковь вполне изоморфна ростовским башням. Деревянный восьмерик — аппроксимация окружности. Поэтому план строения в данном случае следует считать одинаковым. Но вот еще одна поразительная параллель — она касается истории церкви и башен, переживших схожие катаклизмы. Конкретно:

¹ Мельник А.Г. Какой была первоначальная форма покрытий башен Ростовского кремля? ИКРЗ 1996. Ростов, 1976.

² Забелин И.Е. Черты русской самобытности. М., 2007. С. 477.

³ Грабарь И.Э. История русского искусства. М., 2007. С. 402-403.

- в 1748 г. по Никольской церкви, имевшей тогда шатровое завершение, ударила молния; хотя пожара она не вызвала, но пришлось кровлю храма делать заново: расщепленный шатер заменили восьмигранным покрытием;
- согласно весьма убедительной версии А.Г. Мельника, после пожара 1758 г. шатры на башнях Ростовского кремля не стали восстанавливать — их место заняли весьма живописные *баньки*. Они существенно изменили силуэт ансамбля.

Показательно, что в разных местах была сделана однотипная замена пострадавших покрытий — тут несомненно сказался дух времени.

Однако вернемся к терминологическим уточнениям. Со всей определенностью их проводит М.В. Красовский: *«для церквей, имеющих такого вида кровли, термин «кубастые» не подходит; скорее их следовало бы назвать «купольными», так как форма их кровель представляет в сущности не что иное, как вытянутый вверх, на подобие луковицы, граненый купол»*⁴. Окончательную дифференциацию понятий мы находим у А.Б. Бодэ: *«кубоватые завершения и аналогичные им по силуэту восьмигранные являются различными архитектурными формами и не могут быть определены одним и тем же термином»*⁵.

Самые древние шатровые храмы имеют в качестве основания восьмерики. Они идут «от пошвы» — от самой земли. Четверик на восьмерике — более поздняя форма. Церковь в Зачачьи веет глубокой архаикой. Почему пришедшая банька столь органично воссоединилась с коренным восьмериком? Общая симметрия сыграла тут главную роль. К этому надо добавить удачно найденные пропорции. Разновременность элементов в сооружении не ощущается. Схожий эффект вызывают и ростовские башни. Реакция отторжения при установке на них банек не запустилась. Многое предопределяя в самом гештальте Ростовского кремля, они стали плотью от его плоти — со всей естественностью вплели в полифонию ансамбля свою мягкую, в меру изысканную и прихотливую ноту.

Русский Север дает еще один пример вероятной замены шатра банькой. Речь идет об Успенской церкви в с. Чекуево (1675 г.). Она была частью самого масштабного поонежского ансамбля. В него входили еще две кубоватых церкви и колокольня. Сравним два варианта его реконструкции:

- Ю.С. Ушаков оставляет баньку на своем месте⁶;
- А.Б. Бодэ дерзает заменить ее шатром, руководствуясь не документальным свидетельством (оно имелось в случае с Зачачьем), а исключительно своей интуицией⁷. Думается, что она его не обманывает — реконструкция убедительна. Понимая условность содеянного

⁴ Красовский М.В. Курс истории русской архитектуры. Ч.1. Пг., 1916. С. 283.

⁵ Бодэ А.Б. Деревянное зодчество Русского Севера. М., 2005. Сс. 51-52.

⁶ Ушаков Ю.С. Ансамбль в народном зодчестве Русского Севера. Л., 1982. С. 117.

⁷ Бодэ А.Б. Указ. соч. С. 179.

художником, скажем так: баньку все-таки жаль. Несмотря на свое позднее происхождение, она была ассимилирована ансамблем — обогащала его разнообразие.

Банька в Чекуево очень красиво выростала из восьмерика на четверике. Этим обстоятельством несколько ослаблен унисон с ростовскими башнями. А.Б. Бодэ приводит несколько примеров банного покрытия церквей этого типа в Подвинье и Поважье. Вот мнение ученого и художника: «велика вероятность, что первоначальные покрытия данных церквей были иными»⁸. Что при данной архитектонике можно представить на месте банек помимо шатров? И кубоватое, и бочечное покрытия диссонировали бы с восьмериком — состыковка тут была бы проблематичной и технологически, и стилистически.

На основе вышеизложенного мы вправе сделать заключение: замена шатров баньками — довольно типичное явление для XVIII в. Русский Север подтверждает ход мыслей А.Г. Мельника, пытавшегося воссоздать образ ростовских башен такими, какими они были до пожара. Но он же дает аргументы в пользу того, что возврат к старому варианту не всегда оправдан, ибо трансплантация новой формы заведомо удалась.

Баннные покрытия закономерно вызывают барочные аллюзии. Впрочем, и классические кубы вторят эстетике барокко — пусть очень своеобразно, но реагируют на стилевое поле эпохи. В ряде исследований генезис кубов и банек рассматривается совместно — прообразы для них отыскиваются в южноукраинской архитектуре. Если говорить о баньках, то достаточно обратиться к примерам, которые приводит М.В. Красовский — это деревянные церкви в Драгобыче и Иезуполе. Общность архетипов тут несомненна. После присоединения Украины к России связь Юга и Севера усилилась. На свободных землях Пятиречья появились переселенцы с южных широт. Вполне возможно их влияние на архитектурное мышление северян. Однако вряд ли оно было решающим. Появление на Русском Севере и кубов, и банек предопределяла внутренняя логика формообразования. Внешние факторы тоже должны учитываться. Принимая их во внимание, все же выскажем такую мысль: сходство южных и северных банек — результат скорее конвергенции, чем прямого или опосредованного заимствования. Впрочем, оба момента могли наложиться друг на друга, создавая сложный интерференционный узор. Россия умела творчески учиться и у Юга, и у Запада. Поиск элементов такой учебы на Русском Севере вполне законен.

Конечно же, Димитрий Ростовский вряд ли мог быть непосредственным проводником южных архитектурных влияний, однако тот факт, что севернорусскую кафедру занял южанин, симптоматичен в контексте нашей темы. Границы между Югом и Севером на рубеже XVII-XVIII вв. стали весьма проницаемыми. Предположим, что покрытия ростовских башен свидетельствуют о их прозрачности, но пошла ли волна влияния дальше

⁸ Там же. С. 90.

на Север? Можно представить и такую возможность: в Ростове встретились две стилистики — самобытная северная и заимствованная южная; здесь мы видим точку их схождения. Гипотеза конвергенции кажется нам наиболее вероятной.

Если зашла речь о барочном духе кубов и банек, то линию генетической связи хочется увести дальше Карпат и Галиции — в западную Европу. Подобия наших банек И.М. Забелин пытается проследить вплоть до X в.⁹ Не будем заходить так глубоко. Обратимся к европейскому барокко. Строя ратушу в Аугсбурге, Элиас Холл использует в восьмигранном куполе тонкий эстетический эффект, создаваемый *пучиной*. Именно она придает очарование силуэту наших кубов, бочек, главок. Отклонение от симметрии полусферы или ее сегмента вносит в линию живую пульсацию. Одного циркуля тут уже мало — необходимо криволинейное лекало. В формах барокко выпадают многие оси канонической симметрии. *Пучина* содействует этому.

Замечательно, что в европейском барокко мы находим если не сами кубы, то приближения к ним — как бы их наметку.

Вот два знаменитых барочных здания: Ла Суперга Филиппо Юварры в Турине (1717-1731) и Карлскирхе Фишера фон Эрлаха в Вене (1716-1733). Первый мастер испытал влияние второго. В декоре башен, фланкирующих здания, мы видим структуры, чья причудливая барочная топология ассоциативно может быть сближена с кубом. Северные кубоватые церкви естественно вписываются в искривленное пространство барокко. Причина здесь не в том, что импульсы глобального стилевого поля дошли до окраин России, хотя и это могло иметь место, а скорее в том, что развитие формы номогенетично — подчинено внутренним закономерностям: они независимо сработали и на Западе, и на Востоке. Наше народное барокко возникло в силу имманентных причин. Вряд ли можно говорить о подражательном характере как северных кубов, так и северных банек. Дело тут не в мнимой изоляции Русского Севера. Через Белое море он был связан с Западом еще теснее, чем центр — на высоких широтах было прорублено окно в Европу. Шуерецкое глядело в него. Однако первый куб там возвели, не имея образцов для подражания — его новизна абсолютна. Что касается ростовских покрытий, то определенные заимствования в данном случае вероятнее, но ведь главное заключается в том, как они были переработаны. Результат очевиден: ростовские баньки к своим севернорусским аналогам все-таки ближе, чем, скажем, к восьмигранным куполам баварского барокко, чьи мастера тоже ценили *пучину*. Здесь действует *Genius loci*. Ростов Великий — врата Северной Фиваиды. Он славен своим каменным кремлем. Но покрытия его башен вписываются в контекст деревянного зодчества. Потому и могут рассматриваться в соответствующем ключе.

Святой Руси искони была свойственна «*всемирная отзывчивость*» (Ф.М. Достоевский). Она не страдала ксенофобией, беря уроки всюду,

⁹ Забелин И.Е. Указ. соч. С. 477.

где они могли принести пользу. Но при этом эпигонство исключалось. У этой точки зрения есть оппоненты. Если посмотреть на врата Ростовского кремля глазами И.Е. Забелина, то надо признать, что выполненное здесь «*требование симметрии*», заставляющее «*в соответствие одной башни ставить другую*», противоречит «*старому русскому строительному обычаю*» — по мнению маститого ученого, «*такая форма сродни католичеству и магометанству*»¹⁰. Вполне возможно, что возле ростовских врат можно вспомнить замки и соборы Западной Европы, или парные минареты, но это ничуть не умаляет их самобытность. В конце концов, и шатры напоминают готику — из факта этого сходства А.И. Некрасов выводил их генезис. Аналогии полезны. Они помогают выявить единство архетипов, реализующихся на всем пространстве мировой культуры — будь это Аугсбург или Зачачье, Турин или Шуерецкое, Мюнхен или Ростов.

¹⁰ Там же. С. 493.